

Слабое подобие дороги обрывалось на опушке леса. Местные и дачники предпочитали добираться сюда на машинах, а затем идти пешком – кто по грибы в чащу, иные купаться и ловить рыбу – налево к речке. В будний день, в темно-серых тяжелых сумерках, под осенним жестким ветром здесь было пусто. Лишь двое нервно ходили туда-сюда по небольшому пяточку земле.

– Костя! Мы должны их опубликовать, – горячо настаивала Катя. Недобрый огонь, затаившийся в глубине темно-карих глаз, сулил муки ада всем несогласным.

– Никому мы ничего не должны, – холодно парировал мужчина, кутаясь в пальто. Он то и дело поправлял очки, вздрагивая от каждой фразы спутницы.

– Посмотри! – Она вырвала папку из Костиных рук и, пробежав пальцами тонкую стопку листов, достала один из них. – Здесь все: бюджеты, смета, каналы распространения. Они просто врут.

– Врут, – пробормотал мужчина в ответ и уставился на лес.

Злая взъерошенная ворона сидела на ветке, пытаясь не свалиться под очередным порывом ветра.

Большой палец, от которого он нервно отковыривал ногтями кусочки кожи, решил сдаться и позволил оторвать от себя целый лоскут. Мужчина взглянул на стремительно набухавшую каплю кро-

ви, что грозила размазаться по всей ладони. Он порывлся в карманах здоровой рукой и, не найдя ничего, просто облизал палец. Его собеседница ждала.

– Год назад мы не были такими трусами. – Катя поморщилась на последнем слове.

– Год назад мы были нищими, – пробурчал Костя, откусывая лоскут кожи с несчастного пальца.

Катя окинула его презрительным взглядом и на этот раз отвернулась сама. Костя удивленно посмотрел на нее, и с этого момента мелкая дрожь била его уже не переставая.

– Катенька, дорогая... – заискивающе начал он, но запнулся.

– Я знаю все, что ты хочешь мне сказать, но я все решила, – огрызнулась она, соизволив повернуться к Косте.

– Конечно, ты же у нас умнее всех, – зло ответил он. – Решила она. А ты подумала, чем это кончится?

– Неважно, – резко осадила Катя. – Документы могут быть у кого угодно, они ничего не докажут. Костя взглянул на девушку, которую безответно любил уже семь лет.

– Публикация будет наша – значит, это мы, – тоскливо вздохнул он.

– В прошлый раз ты тоже сомневался, но все закончилось хорошо, – еще раз зашла с того же

угла Катя, почувствовав знакомую слабость. Даже отблески пламени в глазах стихли, она немного улыбнулась, предвкушая привычную победу.

Год назад они сидели у нее дома на тридцать седьмом этаже новенького небоскреба. Костя курил сигарету за сигаретой, и только что купленная Катей мебель постепенно теряла свой блеск в облаке серого дыма. Она не сомневалась, что сможет убедить его в чем угодно. Сломался он после фразы «Я лучше уволюсь и уеду с Юрой». Катя увидела, как тогда Костины плечи поникли, даже глаза будто за-слезились. Она запомнила этот прием.

– Я и тогда был против, – сказал он, возвращая девушку в реальность.

Костя помнил, что произошло спустя три дня. Помнил убогую обстановку кабинета майора, перегар и красную рожу. Служака брызгал слюной и орал что-то про интересы государства и долг каждого. Запомнилась только финальная фраза: «Батрачить будешь на нас или сядешь». Катя обо всем этом не знала. Он не сказал ей, оберегая, как и всегда.

– Никто нам ничего не сделает, – сказала девушка. Костя молчал.

– Если ты так боишься за свою зарплату... – начала Катя.

– При чем тут зарплата, – взвился мужчина, срываясь на шипение. – Дай сюда папку, – истерично крикнул он, а затем дернул ее из рук девушки.

У той остался лишь один листок. Костя потянулся и за ним. Катя увернулась, толкнула его, он повалился в грязь.

– Трус, – сплюнула девушка, развернулась и быстро пошла к Костиной машине, на которой они оба приехали поговорить без лишних ушей на опушку леса.

Костя лежал в грязи, он чувствовал, как заползает мокрый холод в дорогие итальянские ботинки, пятнами уродует пальто тонкой английской шерсти. Ему было все равно, он даже не стал поднимать из мерзкой жижи свои очки. Просто лежал и плакал.

Ему было страшно и больно, как в детстве, когда родители ушли в гости к друзьям, а в доме отключили свет. Маленький Костя тогда сидел под столом, забившись в самый угол, и дрожал. Мама вернулась лишь под утро, уставшая и посеревшая. Накричала и отшлепала мальчика. Потом разрыдалась сама и сказала, что папе пришлось срочно ехать в командировку.

Только спустя десять лет Костя узнал, что его отца отправили в психушку. В пьяном угаре он подрался с друзьями и чуть не убил маму. Больше папу

он не видел никогда – тот так и не вышел из больницы.

В свои тридцать пять Костя рыдал, как в детстве – под столом в темной квартире, – и много раз после, когда его мама сама стала выпивать и вычеркнула сына из жизни.

Он боялся своих кураторов в строгих костюмах, которые сменили пьяницу-майора. Те несколько раз звонили ему, многозначительными паузами и смешками намекали на болезненные последствия. Они давили на самое больное: на старушку-мать, все еще пьющую и выжившую из ума, на будущие унижения в тюрьме и нищету после, на незавидную судьбу Кати.

Но сильнее всего ужасало то, что он навсегда потерял девушку, которая никогда и не была его. В тот момент, когда Катя плюнула в лицо словом «трус», Косте на миг показалось, что перед ним – тот самый майор.

Мужчина понял, что продрог. Пришлось шарить руками в поисках папки. Ранка на пальце болезненно щипала. «Столбняк подхвачу», – нервно пронеслось у него в голове. Наконец он обнаружил документы – те не пострадали от скандала.

Грязный, мокрый и белесый, с трясущимися руками – в деревне он нашел дом, где горел свет. Хозяин – грузный и в камуфляже на голое тело – был пьян, потому пустил обсушиться и дал позвонить.

Телефон Юры Костя хорошо запомнил за те три года, что пробивал по всем базам, стремясь понять, почему его выбрала Катя.

– Это Костя. Бери Катю – и сегодня же уезжайте из страны, – бросил он в трубку.

Второй номер – не менее знакомый – куратора: – Документы у меня, один листок потерян, дайте ей уехать. – Голос сорвался на плач.

Трубка помолчала полминуты и ответила:

– Хорошо... Где вы?

Костя просто протянул телефон хозяину, а сам лег на пол, уткнулся головой в грязное дерево половиц и снова зарыдал.

